

Литература

1. Герасимова Ю.И. Архив Кошелевых. //Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им.В.И.Ленина. - 1974, вып. 35, с.26-27.
2. Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825-1861 г. - М., 1979.
3. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. - М., 1983.
4. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. - Спб., 1904.
5. Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. - М., 1986.

Ссылки

- 1 - "Земледельческая газета", 1847, № 99, с.791.
- 2 - Самарин Ю.Ф. Соч.т.2. -М., 1978, с.37.
- 3 - Там же, с. VI-VII.
- 4 - Русский архив, 1884, кн. 2, № 3, с.286.
- 5 - Русский архив, 1886, кн. 1, № 3, с.352-353.
- 6 - Хомяков А.С. Соч. Т. III -, М, 1900, с.83.
- 7 - Ко шелев А.И. Записки: (1812-1883 годы) - Берлин, 1884, Приложение III, с.21.
- 8 - Там же, с. 22-23.
- 9 - Там же, с. 23
- 10 - Самарин Ю.Ф. Соч. т.2 - М., 1878, с.48.

СЛАВЯНОФИЛЫ ОБ ОПЫТЕ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ РЕФОРМЫ 1861 года

О.В. БОРИСОВА, к. ПОЛИТ. НАУК

К середине 50-х годов XIX века у славянофилов сложилась своя программа по крестьянскому вопросу, которая отразилась в их эмансипационных проектах, обсуждавшихся в узком кругу единомышленников. Это записки Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева и кн. В.А. Черкасского, которые были составлены в 1856-1857 гг. и переданы в Министерство внутренних дел. Чиновники изучали их и давали в ответ свои рекомендации, находя пользу в такой пе-

реписке, носившей характер взаимных консультаций. Эти документы, в которых отразился опыт стран Западной и Центральной Европы, большинству дворян известны не были. Желая все же сподвигнуть крепостническую Россию на решительные преобразования “сверху”, славянофилы взялись за создание собственного печатного органа. Инициатором на этом поприще выступил А.И. Кошелев: “Когда в обществе сильно заговорили об освобождении крепостных людей, и правительство становилось во главе этого движения, тогда я решил принять в этом деле самое горячее участие. Для достижения благой, постоянно бывшей у меня в виду цели, я вздумал действовать двумя способами: составлением и оглашением проекта по этому вопросу и изданием журнала, исключительно посвященному делу уничтожения крепостной зависимости людей на Руси” (1).

В 1856 году Кошелев добился разрешения на издание журнала “Русская беседа” (1856-1860). В газете “Московские ведомости” была опубликована программа славянофильского издания, куда включалась задача “переработки” опыта Западной Европы: “Заниматься как можно более у богатого сведениями Запада, с самобытностью усваивать себе все полезное и содействовать настоящей оценке у нас Западной цивилизации” (2). Речь шла о критическом переосмыслении уже пройденного Западом пути, что отмечал А. Хомяков в первом номере “Русской беседы”: “Время восхищения достижениями Западной культуры для России прошло, наступило время критики” (3). В 1858 году был снят цензурный запрет с обсуждения крестьянского вопроса в печати. В связи с этим члены совета редакции “Русской беседы” решили создать приложение к своему журналу по крестьянскому вопросу – “Сельское благоустройство” (1858-1859). В нем был выделен раздел для публикации исторических исследований об устройстве земледельческого сословия и о мерах, принятых в разных государствах к улучшению положения поселян” (4). “Весьма интересно и поучительно было бы узнать, как у них устроено хозяйство, - писал Е. Гордиенко, - не с тем, чтобы рабски им подражать, но чтобы усвоить себе порядок и ... все хорошее, что применимо к нам” (5).

На страницах “Русской беседы” и “Сельского благоустройства” были опубликованы статьи, знакомящие читателей с историей освобождения крестьян в Австрии и Германии.

Истории раскрепощения крестьян в Австрии была посвящена статья “Об устройстве земледельческого сословия в Австрии” за подписью Н.Р-н, помещенная в майском выпуске “Русской беседы” за 1857 год (6). *Инициатором преобразований в Австро-Венгерской империи выступила верховная власть.* Еще в 60-е годы ХУШ в. Мария Тереза провела серию реформ, которые были нацелены на регламентацию государством отношений между помещиками и крестьянством. Проведение их было вызвано необходимостью поддержки жизнеспособности крестьянских хозяйств как главного источника получения налогов и рекрутов. Были определены максимальный и минимальный размеры крестьянских наделов, объем и размеры феодальных повинностей и налогов. Помещикам запрещалось самовольно сгонять крепостного с надела или урезать его; они лишились права суда над своими крестьянами.

Автор не уточнил, когда была уничтожена личная зависимость крестьян в Австрии, но подробно остановился на истории поземельного освобождения (выкупа ими повинностей). Во второй половине 40-х годов XIX века австрийское правительство всячески поощряло выкуп подданнических и поземельных повинностей австрийскими крестьянами. Наделы, приобретенные в собственность, крестьяне могли продавать и закладывать в банк. Но вплоть до 1848 г. сельское сословие “было стеснено разными невыгодными условиями, в числе которых главное место занимали постоянные повинности” (7). Для быстрого развития экономики, как считает автор, правительству было необходимо приступить к принудительным мерам для окончательного освобождения земли и выравнивания прав сословий перед законом (8).

Наконец, 7 сентября 1848 г. венский сейм уничтожил остатки крепостной зависимости. Одни повинности выкупались сразу, другие – со временем, третьи отменялись без вознаграждения. *Для проведения выкупных операций учреждался выкупной фонд.* Это постановление носило обязательный характер. Как мы видим, *пример Австрии знакомил российское общество с историей постепенного освобождения крестьян с землей за выкуп* (начиная с

добровольных сделок и кончая проведением обязательной операции). В своих проектах славянофилы также выдвигали идею *посредника между помещиками и крестьянами при выкупе земли*. Так, например, К.Аксаков в записке “О внутреннем состоянии России” предлагал государству выкупить у помещиков землю по высокой цене, чтобы одновременно полученный капитал они могли использовать для капитализации своего хозяйства. Такой вариант аграрного развития обеспечивал медленное вращение помещичьих и крестьянских хозяйств в капитализм, причем для первых этот процесс был “безболезненным”, а для вторых обременительным и разорительным.

История освобождения крестьян в Германии была представлена в статье А.В. Лакиера “Законоположения о выкупе работ в Саксонии и Верхней Лузании” (9) и Ю.Ф. Самарина “Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии” (10).

А.В. Лакиер в своей статье знакомил читателей с историей окончательной отмены крепостного права в двух германских землях – Саксонии и Лузании. С точки зрения этого автора, аграрный вопрос в этих государствах был решен положительно в пользу крестьянства (ему предоставлялась возможность приобретения земли в собственность) и при этом с большой выгодой для помещиков (получение выкупных платежей). Согласно положению 17 марта 1832 года для замены крестьянских повинностей денежным взносом стало достаточно требования крестьянина (ранее необходимо было согласие помещика). Все повинности, работы и службы выкупались или через полный взнос капитала или уплатою ежегодной денежной ренты (либо уступкою земли, если “помещичье имение без пользования повинностью обойтись не может”) (11). Как и в Австрии, выкупная операция могла проводиться через банк; определение размеров выкупа и другие вопросы решались специальными и генеральными комиссиями, судами и министерствами.

Такой вариант решения крестьянского вопроса был направлен на параллельное развитие двух типов хозяйств: крупного помещичьего и мелкого крестьянского. Выкуп крестьянами повинностей чаще всего был операцией длительной (и обременительной).

поэтому крестьяне еще долгое время были прикреплены к хозяйству своего помещика, обеспечивая его рабочей силой.

Самым крупным и, пожалуй, самым интересным исследованием по аграрной истории была работа Ю.Ф.Самарина об отмене крепостного права в Пруссии, состоящей из 4 статей. Его внимание и интерес к этой стране был обусловлен тем, что в результате аграрной политики прусского правительства в период с 1807 по 1852 гг. было “уничтожено крепостное состояние, освобожден труд, упразднена барщина, приобретено крестьянами право собственности на землю, положено начало выкупу денежных повинностей”. Причем *Пруссия решила аграрный вопрос “без просветительского насилия сверху, без кровавых потрясений путем законодательных преобразований, глубоко обдуманых и последовательно проведенных”*. *Историю крестьянской реформы в этом государстве Самарин называет “явлением отрадным и глубоко поучительным” для России*. И задачу своей работы он видел в изучении тех мероприятий прусского правительства, коими оно “достигло этого блистательного успеха” (12).

В своем исследовании Самарин сравнивает аграрную историю и аграрный строй Пруссии и России. Согласно концепции Ю.Ф.Самарина, история закрепощения и крепостной строй в России отличались от этих явлений в Пруссии. В России крепостное право, как он считал, было “непредусмотренным последствием двух общих законодательных мер, исшедших от правительства” (запрещение перехода крестьян и уравнение их с холопами), которые вводились одновременно и повсеместно. С точки зрения Самарина, этот переход “от полной свободы к неограниченному полновластию одной стороны” был очень резким и привел к установлению однообразного порядка вещей (13). В Пруссии же этот процесс был очень затянутым, не единовременным, не повсеместным (с X по ХУП вв.). Необходимо отметить, что Самарин неверно излагает историю закрепощения крестьян в России: как и в немецких землях, этот процесс был длительным и продолжался вплоть до конца ХУШ века.

Самарин выделял еще одно существенное различие в аграрном строе России и Пруссии – типы крестьянского землепользования и податной единицы. В России преобладала общинная форма

землепользования: в Пруссии пахотная земля была в личном подворном владении крестьян, а угодья и пастбища – в общественном пользовании. Если в России подати и повинности на крестьянские хозяйства раскладывала община, то в Пруссии податной единицей был крестьянский двор, хозяин которого лично отвечал перед государством за выплату податей и выполнение государственных повинностей.

Помещичье хозяйство, по мнению Самарина, также имело свои особенности. Он утверждал, что в России преобладало барщинное хозяйство; у помещика не было ни наемных рабочих, ни инвентаря, поэтому он обходился самым незначительным оборотным капиталом. В Пруссии же даже в эпоху расцвета крепостного права барщина не составляла главную долю крестьянских повинностей и не удовлетворяла вполне потребностям помещичьего хозяйства. Лошадей, рабочий скот, орудия труда, семена помещик заводил и поддерживал за свой счет и передавал все это по описи новому хозяину вместе с усадьбой и пашней. Сверх крепостных батраков помещики нанимали и вольных.

Из этой сравнительной характеристики аграрного строя Пруссии и России Самарин сделал вывод о том, что в Пруссии помещичье хозяйство было более подготовлено к установлению новых капиталистических отношений, чем в России: “Из этого видно, что экономические условия помещичьего хозяйства в Пруссии ближе подходили к коммерческому положению, чем к тому порядку вещей, который теперь ведется у нас” (14). Изучив особенности крестьянского землепользования в указанных странах, он приходит к заключению, что “при нашем мирском владении землею, приобретение права личной на нее собственности, права дробить ее, продавать и закладывать, не составляет потребности для крестьянина”. В Пруссии же, напротив, “личное, полное на нее право отрешенное от всякого постороннего влияния..., составляло цель горячих желаний каждого зажиточного хозяина” (15). Таким образом, Самарин пытался доказать необходимость сохранения общинного землепользования крестьян в России.

Исследуя аграрную историю Пруссию, Самарин подробно рассматривает процессы “второго издания крепостничества”, кризис феодальных отношений и генезис капитализма, меры прави-

тельства по укреплению крестьянских наделов и освобождения от крепостной зависимости государственных крестьян (реформа 1718 г.). В начале XIX века прусское общество начало осознавать необходимость освобождения помещичьих крестьян. Как утверждал в своей статье Самарин, *свой приговор старым поземельным отношениям вынесла передовая экономическая наука*. Некто Тэер в своих лекциях в Меглинской Академии и в статьях, опубликованных в журнале “Меглинская летопись”, доказывал помещному дворянству, что необходимо отменить крепостничество, так как свободный труд экономически выгоднее. Прусские крестьяне выступали против крепостной зависимости и само правительство высказало убеждение в ее безнравственности, невыгодности и опасности. И само Провидение, по замечанию Самарина, послало Пруссии великого политического деятеля Штейна как раз в тот момент, когда политическая катастрофа 1807 года открыла всем глаза, и “люди, разлученные воспитанием и занятиями, не знавшие друг друга, не сговариваясь, указали пальцем на крепостное право и назвали его общественной язвой” (16). Как мы видим, Самарин выделил предпосылки для решения аграрного вопроса в Пруссии.

В результате реформы Штейна (королевские эдикты 9 и 28 октября 1807 года) все сословия получили право приобретать недвижимую собственность; дворяне получили разрешение заниматься городскими промыслами; была отменена личная зависимость владельческих крестьян от помещиков, а казенные крестьяне получили полную личную свободу и безвозмездно в собственность свои участки.

Следующим этапом в ликвидации крепостного права в Пруссии стала законодательная деятельность князя Гарденберга. Его законы 1811, 1816 и 1817 гг. об урегулировании отношений помещиков с крестьянами были направлены на ликвидацию остатков поземельной зависимости и на создание условий для приобретения крестьянами земли в собственность. При выкупе земли крестьяне должны были платить или единовременный взнос или ежегодную ренту или отдать владельцу 1/3 участка. Кое-какие повинности в пользу помещика сохранялись. Самарин отметил, что князь Гарденберг понимал сложность задуманного им предприятия, поскольку затрагивались вековые права дворянства, и сам призна-

вался, что это было естественно: *“Какое право и какой повод имели бы мы ожидать, что целое состояние, не задумываясь, наложит на себя руку и с грациозною улыбкою уступит часть своих прав, часть своих доходов и променяет соблазнительный покой на труды и риски?”* (17). И действительно, прусские помещики после принятия закона 1811 г. назвали “в один голос положение о регулировании посягательством на священные права собственности” (18). Самарин прекрасно понимал, что и российское дворянство будет отстаивать свои интересы в ходе подготовки крестьянской реформы.

В 1830 г. во всех провинциях Прусского королевства были проведены одновременно четыре операции: регулирование, сепарация (упразднение общинного владения), замена натуральных повинностей денежными и их выкуп. Но большинство крестьян не имели средств, чтобы выкупить повинности. Многочисленный класс огородников и мелких хозяев вовсе остался без земли и был низведен на уровень сельских пролетариев или бездомных батраков. Нерешенность крестьянского вопроса сказалась в критическую эпоху 1848 года, когда по Пруссии прокатилась мощная волна крестьянских выступлений. В Манифесте от 20 апреля 1848 года правительство пообещало пересмотреть все законы о поземельных отношениях с целью удешевления и ускорения отмены крестьянских повинностей.

Законами от 2 марта 1850 года были уничтожены все остатки личной зависимости крестьян от помещиков, упразднены за вознаграждение повинности и тягости, лежащие на наделах. Крестьяне получали право собственности на свои участки, а все повинности были переложены в ренту, что рассматривалось как начало выкупа, который должен был непосредственно следовать за введением ренты. Размер выкупа был уменьшен и для его облегчения учреждены рентные банки; с переводом ренты на банк, все притязания помещиков к крестьянам прекращались. Теперь (1858 г.) перед Пруссией, с точки зрения Самарина, стояли две задачи: устройство сельских обществ и сохранение крестьянской собственности. Предоставление крестьянам неограниченного права собственности на землю привело к дроблению наделов, и возникла угроза исчезно-

вения “крепкого коренастого крестьянства, составляющего ядро и силу прусской нации...” (19).

Статьи А.В.Лакиера, Ю.Ф.Самарина и г-на Н.Р-н пропагандировали идею освобождения крестьян с землей за выкуп. По замыслу славянофилов, аграрная реформа призвана дать толчок развитию сельского хозяйства в России и обеспечить политическую благонадежность сельского населения. Аграрный опыт Австрии, Саксонии, Пруссии показал, что окончательный выкуп всей крестьянской земли в собственность возможен и целесообразен только при помощи государства, которое гарантирует помещикам единовременное получение большей части выкупной суммы. Для знакомства дворянства с проблемой создания и деятельности кредитных учреждений редакция журнала “Русская беседа” опубликовала ряд статей по этой теме: “О поземельном кредите” Л.Воловского, “Поземельный кредит в Польше и во Франции” В.П.Безобразова, “О биржевом курсе закладных листов в Германии” кн. В.А.Черкасского, “О поземельном кредите в Царстве Польском” Колаковского.

В ходе подготовки крестьянской реформы в России правительство и общество обсуждало вопрос о формах собственности на землю. Впервые эту проблему в славянофильских изданиях поставил редактор “Русской беседы” А.И.Кошелев в статье “По поводу журнальных статей о замене обязательной работы наемною и о поземельной собственности” (20). Эту работу Кошелев написал после путешествия по Европе, во время которого он изучал аграрный строй западных государств. Чтобы правильно решить эту проблему в России, согласно его мнению, необходимо “посоветоваться с нашими западными учителями, которые прежде нас уже испытали и дознали многое” (21).

Кошелев очень тонко подметил связь между формами землеустройства и характером государства: “Англия, вследствие сосредоточенного землеустройства есть государство по преимуществу аристократическое... Франция, раздробившая свои земли до самых малых размеров, есть государство не только демократическое, но даже охлократическое”. Он считал, что российскому обществу было бы полезно изучить аграрный строй европейских стран и заимствовать лишь то, что отвечает потребностям развития страны.

Кошелев справедливо замечает, что “Англия, Франция, Германия, даже Эстляндия установили у себя такой, а не иной порядок землевладения и землепользования вероятно вследствие местных своих исторических причин, своего особенного быта, нравов и обычаев, склонностей и способностей своего народа” (22). Но он отказывается от абсолютизации того или иного вида собственности на землю, потому что ни один из них не может предотвратить социальных бедствий: “Мы имеем перед собой Европу, бедствующую от чрезмерного развития частной собственности, тревожимую коммунизмом, социализмом и другими им подобными неудачами...” (23). *Кошелева не устраивало исключительное господство дворянского землевладения в Англии, которое привело к уничтожению крестьянства и формированию класса наемных рабочих. С другой стороны, много было негативных последствий и в опыте Франции, где установление неограниченного права земельной собственности для крестьян привело к сильному дроблению участков и их постепенному разорению. Единственным средством против пролетаризации крестьянства он называл общинное землевладение и предлагал предоставить российскому крестьянству права выкупа надела в собственность общины.*

Таким образом, Кошелев поставил перед славянофилами задачу бороться за сохранение общинных земель. Согласно его мнению, исчезновение общинных земель на Западе было вызвано объективными причинами; уничтожение их в России будет явлением искусственным. Изучая законодательную деятельность европейских стран, он пришел к выводу, что многие государства стремятся сохранить те общинные земли, которые остались после их разверстания.

А.И. Кошелева поддержал Ю.Ф.Самарин, который в ряде статей, опубликованных в “Сельском благоустройстве” в 1858 г., выступил в полемику с западниками и высказал свой взгляд на эту проблему. Сторонники развития частной собственности на землю приводили в периодических изданиях данные о высоком уровне развития фермерских хозяйств, закидывали читателей числами и таблицами, рисуя перед ними “картины искусственных лугов, шотландских нив, французских виноградников” и наших “безлюдных пустырей” (24). Проводя подобные сравнения, противники

общины делали вывод о том, что бедственное положение сельского хозяйства в России обусловлено общинным землепользованием. Самарин отвергал подобные аргументы, так как считал, что приведенное сравнение показывает не результаты развития двух форм землевладения, а характеризует хозяйства развитое и неразвитое.

Самарин опроверг доводы западников против общинного землепользования, основанные на том положении, что оно связано с чересполосицей. Он приводит в пример Германию, где к этому явлению привело право неограниченной частной собственности для крестьян. Согласно сведениям прусского областного советника г. Вильгельми, чересполосица и дробность дошли в Пруссии до того, что принятие законодательных мер для округления участков стало необходимым. Самарин также пытался опровергнуть мнение западников о том, что только личные формы земельной собственности содействуют соединению личных интересов с общественными. Он приводит в пример графиню Сюзерландскую (Шотландия), которая согнала со своих земель 3 тысячи семей (им пришлось перебраться в Америку) и занялась разведением тонкорунных овец. Графиня на этом разбогатела, а благосостояние Шотландии от этого не улучшилось, отмечает Самарин.

В ходе изучения данной темы, мы пришли к следующим выводам. Славянофилы принципиально отрицали насилие как метод борьбы за либерализацию общества, поэтому революционный опыт Франции для них был неприемлем. Помещичье хозяйство здесь было разрушено, а дворянство подверглось репрессиям в годы Великой Французской революции. Но с другой стороны, в этой стране в итоге аграрных преобразований широкое распространение получили мелкие крестьянские хозяйства, что было положительным примером для России. Однако подворный тип земельной крестьянской собственности не устраивал славянофилов, к тому же дробление участков грозило социальной проблемой (*пролетаризацией*). Аграрный строй, который утвердился в Англии (землевладельцы – фермеры – рабочие), их тоже не вполне удовлетворял, так как крестьянство там полностью исчезло. А ведь именно в упрочении этого сословия в России славянофилы видели одну из задач аграрной реформы. Аграрное развитие германских земель и Австрии было более всего близко к России, поэтому со-

трудники славянофильских изданий большое внимание уделили этой теме. С их точки зрения, аграрные реформы в этих странах создавали возможность для развития крестьянских хозяйств. Но и здесь возникла угроза дробления участков. Выход славянофилы видели в сохранении общинной собственности. Однако отдельные представители славянофильства высказывали особое мнение: *И.В.Сабуров и кн.В.А.Черкасский считали неизбежным процесс образования пролетариата в ходе социальной революции, вызванной аграрным переворотом. И исторически они были абсолютно правы.*

Знакомя российскую публику с аграрной историей европейских государств, славянофилы пропагандировали свою программу по крестьянскому вопросу. На "отрицательных" и "положительных" примерах других государств они отстаивали идею выкупа наделов в собственность общины, в то время как правительственная программа (апрель 1858 г.) предусматривала безземельное освобождение крестьян.

Деятельность славянофилов по отстаиванию своих программных положений в печати и в губернских комитетах (Ю.Ф.Самарин, кн. В.А.Черкасский, А.И.Кошелев вошли в их состав в качестве членов от правительства) не прошла даром. К окончанию работы последних идея выкупа полевой земли в собственность была признана как общий принцип реформы, были разработаны критерии к определению размера наделов и повинностей. А 4 декабря 1858 г. появилась новая правительственная программа, которая отразила требования славянофилов о выкупе полевого надела в общинную собственность как общее основание реформы.

После принятия решения об образовании Редакционных комиссий для выработки единого проекта реформы (1859 г.) обсуждение крестьянского вопроса в печати было свернуто во избежание проявлений разного рода недовольства. Многие статьи месяцами задерживались в цензурном комитете и не допускались к печати. Поэтому редактор А.И.Кошелев принял решение закрыть приложение, а потом и сам журнал. Дальнейшая работа по подготовке проекта реформы была продолжена Ю.Ф.Самариным и кн. В.А.Черкасским в Редакционных комиссиях.

Литература

1. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983.
2. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861. – М., Изд-во Моск.ун-та, 1984.
3. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. – М., 1986.
4. Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). – М., 1986.

Ссылки

1. Кошелев А.И. Записки: 1812-1883 годы. – Берлин, 1884, с.91-92.
2. Дудзинская Е.А. Указ.соч., с.38.
3. “Русская беседа”, 1856, т. 1, с.1У.
4. “Русская беседа”, 1858, т. 1, с.Ш.
5. “Сельское благоустройство”, 1858, кн.3, с.174.
6. “Русская беседа”, 1857, т.1, кн.5, раздел “Науки”. с.105-136.
7. Там же, с.115.
8. Там же, с.127.
9. “Сельское благоустройство”, 1858, кн.4, с.97-112.
10. Там же, 1858, кн.1, с.35-78, 136-172; кн.2, с.37-97; кн.4, с.199-270.
11. Там же, 1858, кн.4, с.100-101.
12. Там же, 1858, кн.1, с.35.
13. Там же, 1858, кн.1, с.38-39.
14. Там же, 1858, кн.1, с.52.
15. Там же, 1858, кн.1, с.67.
16. Там же, 1858, кн.1, с.77.
17. Там же, 1858, кн.2, с.44.
18. Там же, 1858, кн.2, с.84.
19. Там же, 1858, кн.4, с.269.
20. “Русская беседа”, 1857, т.1У, кн.8, с.109-171.
21. Там же, с.111.
22. Там же, с.133. 134.
23. Там же, с.130-131.
24. “Сельское благоустройство”, 1858, кн.4, с.292.